

Марина Сарапас

Пуристические взгляды „архаистов” и „новаторов” на роль народной поэзии в развитии языка русской художественной литературы начала XIX века

Конец XVIII – начало XIX века — один из самых важных и сложных периодов в истории русского литературного языка. К этому времени относится оформление единого литературного языка на национальной основе. Именно тогда наиболее отчетливо проявляются пуристические тенденции в языковых программах „архаистов” и „новаторов”. Поиск путей развития русского литературного языка был ознаменован бурной полемикой о „старом” и „новом слоге”.

А.С. Шишков и Н.М. Карамзин были вдохновителями враждующих группировок. Однако их творчество с трудом вписывается в рамки одного направления. Карамзин, воздерживавшийся от участия в непосредственной литературной борьбе, мало походил на карамзиниста. Шишков также и в жизни, и в творчестве порой отклонялся от правоверного архаиста.

А.С. Шишков одним из первых в русской словесности обратился к устному народному творчеству: собирал народные песни, сказания и пословицы. Гораздо позже этим стали заниматься П. Киреевский, А. Пушкин, В. Даль и другие. Во времена Шишкова народную поэзию никто не считал за подлинную литературу. Он же призывал к изучению устного народного творчества и утверждал огромное его значение для развития языка русской художественной литературы и русского литературного языка. Показательно в этом отношении письмо Шишкова к Я.И. Бардовскому от 19 февраля 1811 года, где он пишет: „Сперва бранили меня за то, что защищаю славенский язык, а теперь станут бранить, что прославляю народный. Пускай бранят: кто-нибудь скажет спасибо; а спасибо одного доброго человека утешает меня больше, нежели досаждают брань ста худых”¹.

Таким образом, наряду с защитой „славенского” языка Шишков боролся за народную поэзию и народный язык. И деятельность его в этом отношении отличается

¹ Шишков А.С. *Записки, мнения и переписка: В 2-х ч.* – Ч. 2. – Берлин, 1870. – С. 310 – 311.

от деятельности карамзинистов, в первую очередь, тем, что те не допускали в свои произведения народно-разговорные элементы языка, не допускали слов, не свойственных обиходу светского салона. Отсюда, их обработанный, чистый и элегантный язык был, по словам Г.О. Винокура, лишен „аромата живой повседневности и подлинной народности. Это делало его бледным и вялым в художественном отношении”.² Как правило, все произведения карамзинистов написаны сглаженным литературным языком, даже в речевой характеристике героев редко используются богатые лексические возможности общенародного языка.

Противопоставляя стилистической системе Шишкова, основанной на иерархии стилей во главе с высоким слогом, свою стилистическую систему, карамзинисты были слишком прямолинейны. Объявив средний слог образцом правильного литературного языка, нивелировав особенности высокого и низкого слога в системе среднего слога, карамзинисты обедняли стилистические возможности русского литературного языка. В.В. Виноградов писал: „Карамзин выдвигал задачу образовать один, доступный широким кругам национально-литературный язык для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут”. И далее: „Для этого необходимы: устранение резких церковнославянизмов ... при широком использовании тех славянизмов, которые стали общим достоянием книжной речи; тщательный отбор из наличного языкового материала и создание новых слов и оборотов (ср. неологизмы самого Карамзина: *влюбленность*, *промышленность*, *будущность*, *общественность*, *человечность*, *общеполезный*, *достижимый*, *усовершенствовать* и др.). Язык преобразуется под влиянием «светского употребления слов и хорошего вкуса». Упорядочиваются синтаксис и фразеология. Из общего литературного активного словаря постепенно исчезает значительная часть специальных слов ученого языка, восходящих к церковнославянизмам. Архаические и профессиональные славянизмы избегаются... В общем литературном употреблении не рекомендуется пользоваться специальными терминами школы, науки, техники, ремесла и хозяйства. Накладывается запрет на ярко экспрессивные фамильярно-просторечные или простонародные слова и выражения”³.

Таким образом, отношение к лексическим богатствам общенародного языка у Карамзина и его последователей было специфическим. Для карамзинистов отбор языковых средств из общенародного языка должен производиться в расчете на „нежный дамский вкус”, все, что не соответствовало нормам разговорного языка дворянских кругов, не имело права на существование в литературном языке. Как писал В.В. Виноградов: „Карамзин и его школа стремились и в просторечие внести принцип классовой и экспрессивно-стилистической нормализации”⁴. Из общенародной лексики Карамзин выбирал слова с экспрессией нежности, ласковости, поэтичности, а также слова, „не сообщающие дурной идеи”. Показательно в этом отношении известное рассуждение Карамзина об употреблении слов *пичужечка* и *парень* в письме к Дмитриеву от 22 июня 1793 года. Слова, „сообщающие дурную идею” старательно изгонялись карамзинистами из литературных произведений.

² Винокур Г.О. *Избранные работы по русскому языку*. – М., 1959. – С. 94.

³ Виноградов В.В. *Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.* – М., 1938. – С. 198–199.

⁴ Виноградов В.В. *Язык Пушкина*. – М.–Л., 1941. – С. 390.

Сознательное привлечение писателями живого народного языка после Карамзина становится более обширным. Литература долго чуждалась истинно народного и в содержании, и в изложении. Сближение литературного языка с языком народным начинается интенсивно лишь со времен Пушкина. Раньше в этом отношении делались только попытки. Еще Ломоносов в своей грамматике обратил внимание на „народные речения“. В. К. Тредиаковский тоже занимался исследованием народного языка и поверий. Он основывает свою теорию русского стихосложения на народных песнях, хотя и упоминает о них с некоторым пренебрежением, называя их „подлыми“ (низкими). Г.Р. Державин взял многое из народной речи в свои произведения. И.А. Крылов, А.С. Грибоедов и особенно А.С. Пушкин считали народный язык необходимым элементом языка художественного произведения. Именно Пушкин первый непосредственно подметил этот источник и указал на него: „Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке), *достоин также глубочайших исследований...* Не худо бы иногда *прислушиваться к московским просвириям*: они говорят удивительно чистым и правильным языком”⁵.

В то же время Пушкин указал на необходимость изучения устного народного творчества для развития и совершенствования языка художественной литературы и русского литературного языка. Он писал: „Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка”⁶. Сам Пушкин широко использовал в своем творчестве богатую палитру народного языка, каждое слово у него было прекрасным, свежим и новым, „как будто первый раз сказано, создано им самим, как будто бы он сию же минуту родил его: так открывался ему гений русского языка, так постигал он его творчески! Могла ли утаиться от него и сила устной речи простого народа?”⁷. Из года в год возрастало внимание его к народно-разговорной речи, все шире вводились в язык произведений разговорно-просторечные элементы.

Приблизительно с 20-х годов XIX века языковая позиция Пушкина становится ближе к языковой позиции Шишкова и его сторонников. В своей работе *Архаисты и Пушкин* Ю.Н. Тынянов справедливо писал: „До 1819 года Пушкин может быть назван правоверным арзамасцем-карамзистом. 1818 год — год решительного перелома и... сближения с младшими архаистами”⁸. Соответственно, отвечая на замечания критики по поводу стиля *Полтавы*, Пушкин писал в 1830 году: „никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни казаться *простонародным, славянофилом* (выделено мною — М.С.) и тому под.”⁹. Эпитет простонародный явно ассоциируется в этом контексте с позицией Шишкова, а слово *славянофил* восходит к прозвищу Шишкова и в дальнейшем распространяется на его сторонников и последователей. Вообще с годами оценка деятельности и самой личности Шишкова у Пушкина становится все более глубокой и положительной. В своей работе *Язык Пушкина* В.В. Виноградов писал: „Усвоив многое из литературной практики европейцев, Пушкин затем учился у славянофилов ценить образ, простоту

⁵ Шевырев С.П. *Взгляд на современную русскую литературу. (Состояние русского языка и слога)*. //Москвитянин. — Ч.2. — 1842. — № 8. — С. 183.

⁶ *Отечественные записки*. — Т. 64. — 1849. — № 5. — С. 51.

⁷ Шевырев С.П. *Указ. соч.* — С. 183–184.

⁸ Тынянов Ю.Н. *Архаисты и Пушкин. //Пушкин и его современники*. — М., 1969. — С. 56

⁹ Пушкин А.С. *Полн. собр. соч.: В 17-ти т.* — Т. 11. — М., 1949. — С. 159.

выражения, экспрессивное многообразие речи и приемы смешения разных стилистических сфер¹⁰. На наш взгляд, Пушкин учился у Шишкова и бережному отношению к устному народному творчеству.

Как было уже отмечено выше, Шишков одним из первых в русской словесности выступил ценителем и знатоком устного народного творчества. В своем труде *Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки*, составленном из бесед с молодым С.Т. Аксаковым, Шишков призывал исследовать „образы и примеры, ведущие нас прямо в хранилище стихотворства и красноречия. Таковых источников суть три: первое — священные или духовные наши книги; второе — летописи и все подобные им предания; третье — народный язык”¹¹. Именно в выделении Шишковым устного народного творчества в качестве источника обогащения русского литературного языка сказались положительные стороны его лингвистической концепции. Сам Шишков так охарактеризовал свою работу в этом направлении: „кто прочитает его с беспристрастием (Автора *Разговора о словесности*; здесь Шишков постоянно говорит о себе в 3-м лице — М.С.), тот, конечно, увидит, что он старается сколько можно вникнуть в сокровищницы языка своего, извлечь наружу некоторые богатства оного, представить их пред глазами юных читателей, в которых горит охота к словесности, и чрез то самое, к их и общей пользе, возбудить в них желание и любопытство поступить далее внутрь сего хранилища, упражняться, размышлять и черпать не странности из чужеземных, но подлинные красоты из собственных наших источников”¹².

Особое внимание в своем сочинении *Разговоры о словесности* Шишков уделяет русским народным песням, которые служат для него и источником лексики, и образцом. О народных сказителях и поэтах прошлого он с уважением писал: „Они не говорили своим любовницам: *я заразился к тебе страстию, я пленил себя твоими взорами, я поражен стрелою твоих прелестей, ты предмет моей горячности, я тебя обожаю* и проч. Все это чужое, не наше русское. Они для выражения своих чувствований не искали кудрявых слов и хитрых мыслей, но довольствовались самыми простыми и ближайшими к истине умствованиями, как например:

Ты не вейся, не вейся трава со ракитой,
Не свыкайся, не свыкайся молодец с девицей:
Хорошо было свыкаться, тошно расставаться”¹³.

Шишков считал, что народный язык тесно связан с обычаями и традициями и составляет единое целое с этическими нормами общества. Поэтому искажение родного языка рассматривалось им как посягательство на весь традиционный уклад жизни, стиль мышления, манеру поведения, способы выражения чувств. Единство языка и духовности народа он показывает на примере такой песни:

Идет девица из терема,
Что бело лицо заплакано,

¹⁰ Виноградов В.В. *Язык Пушкина*. — С. 76.

¹¹ Шишков А.С. *Разговоры о словесности*. — СПб., — 1811. — С. 50.

¹² Шишков А.С. Прибавление к *Разговорам о словесности* или возражения против возражений, сделанных на сию книгу. — СПб., — 1812. — С. 70.

¹³ Шишков А.С. *Разговоры о словесности*. — С. 116.

Ясны очи помутилися,
Белы руки опустилися.

И пишет: „Мы не таким образом описываем ныне печаль красавиц, но сия безмолвная кручина: *ясны очи помутилися, белы руки опустилися*, едва ли не лучше сих, влагаемых нами в уста любовниц, восклицаний: *о рок! о, лютый рок! Я рвусь, терзаюсь*, и тому подобных. Часто самые легкие черты живее изобразят печаль, нежели все излишне придуманные слова. Посмотрим теперь последнее их свидание:

Не стрела сердце поранила,
Не змея его ужалила ...

Что ж такое? Какою еще из сих жестоких язв лютейшею мукою поражен он был?

Красна девица промолвила:
Ты прости, прости, мой милый друг,
Ты прости, душа, отецкий сын:
Вечеру меня помолвили,
Завтра будут поезжалые,
Повезут меня в церковь Божию,
Я достануся иному, друг,
И верна буду по смерть мою.

Мы по нынешним нашим нравам скажем: какой холодный конец! Так, но поставим себя в те времена, когда брак целомудренной женщины был гробом всех ее сердечных склонностей. Она жила одному только мужу, всему прочему умирала¹⁴.

Анализируя приведенные выше и некоторые другие русские народные песни, Шишков делает закономерный вывод: „Таким образом, всякая песня есть некое особое изображение. Соберите сии картины, вы найдете в них унылое, жалкое, печальное, забавное, смешное, ужасное, историческое, нравственное, семейственное, и словом, всякого рода описания”¹⁵.

Сказанное Шишковым показывает, что он был глубоко убежден, что необоснованные нововведения в язык отрицательно сказываются и на общем национальном облике, то есть на всей культуре народа в целом.

Представления Шишкова о неразрывной связи языка и культуры нации опираются на его весьма стройную и основательную концепцию. Сущность ее можно было бы выразить так: *связь времен*, или *связь поколений*. То, что наработано и накоплено нашими предками, не должно, да и не может быть отсечено и искусственно заменено инородным. Язык является не только способом общения, то есть передачи культуры из поколения в поколение, но и одним из важных средств *сохранения* самой культуры. Следовательно, *русский* писатель прежде всего должен заботиться о сохранности и естественном развитии *русского* языка; *французский* – *французского*; *немецкий* – *немецкого* и так далее. Каждый язык сам по себе уникален, но недопустимо произвольно смешивать их, и, тем самым, разрушать культурные устои того или иного общества.

¹⁴ Там же. – С. 125–126.

¹⁵ Там же. – С. 106.

Об этом свидетельствует, в частности, и письмо Шишкова к К.Ф. Калайдовичу от 9 января 1822 года, где есть такие строки: „Язык наш издревле был способен к выражению самых глубочайших мыслей и сильных чувствований, могущих во всяком роде творений двигать сердце и восхищать душу. Светские сочинения наши предоставлены были народу, но и тот в сказках и песнях своих искаженных и не могших чрез изустное предание сохраниться в целости, являет еще искры ума и вкуса в изображении страстей и природы. Достойную снискали бы мы себе похвалу и умно бы сделали, когда б, воспользовавшись чужеземными примерами или образцами, не увлеклись соблазнительною, но лжемудрою легкостью списывать их рабственно теми красками, какие в подлиннике употреблены; ибо хотя ум и красота везде красота, однако ж свойство языков различно, и одни и те же слова в одном языке не имеют той силы в другом. Не читая книг своих, мы невольно отвыкаем от природных языку нашему свойств, начинаем хладеть к ним и даже презирать”¹⁶.

Шишков очень бережливо, вдумчиво относился к устному народному творчеству и к этому же призывал других. Он писал: „Ежели вы в сказках и песнях наших, несмотря на целое, станете вникать в части, то есть разбирать некоторые мысли и выражения, то увидите, что из них не так мало хороших, как вы думаете”¹⁷.

В своей работе *Разговоры о словесности* Шишков высказал новые и ценные для начала XIX века наблюдения об особенностях „старинного русского стихотворства”, то есть устного народного творчества. Эти наблюдения Шишкова не потеряли актуальности и в наши дни. Рассмотрим некоторые из его замечаний.

Так, отмечая частые повторения в народной поэзии, Шишков писал: „Старинное русское стихотворство не только терпит, но и любит повторение, как в именах и целых речениях, так и в предлогах:

Ты, дуброва моя, дубровушка,
Ты, дуброва, моя, зеленая.

Или:

Ах, на горе, горе,
На высокой на горе,
На высокой на горе,
Что на всей красоте, и проч.”¹⁸

Особое внимание Шишков уделяет использованию уменьшительных имен в устном народном творчестве: „По свойству языка нашего уменьшительные имена не одно умаление значат, но также красоту вещи, или просто учтивость и ласку. Когда мы их в сем смысле употребляем, тогда настоящее знаменование оных, то есть изъявлении *малости*, часто совсем от них отъемлется, или на тот раз забывается”. И далее: „Сие свойство языка почерпнуто из самой природы; ибо как всем великим вещам свойственно возбуждать в нас удивление и страх, а всем малым привлекать к себе нашу любовь и жалость, то и весьма естественно, что мы в уменьшительных

¹⁶ Шишков А.С. *Записки, мнения и переписка*: В 2-х ч. – Ч. 2. – С. 419.

¹⁷ Шишков А.С. *Разговоры о словесности*. – С. 74.

¹⁸ Там же. – С. 90.

именах понятие о *малости* сопрягаем с понятием о *красоте* и *пригожестве*, от которого естественным же образом рождается учтивость и ласка. Отсюда в сказке сей *спинка, седельце, попонка, шейка, уздечка, шпенечки*, значит *пригожество*, а не *малость*. Поставим на место сих уменьшительных имен настоящие имена, описание много потеряет приятности”¹⁹.

Подробно рассматривает Шишков и употребление в народной поэзии постоянных эпитетов: „Хотя и новое стихотворство не убегает прилагательных имен, однако ж в старом были оные несравненно употребительнее, и почти каждое существительное имело свое прилагательное: *красное солнышко, светлый месяц, частые звезды, синее море, черный соболь, белая лебедь* и проч. и проч.”²⁰.

Об инверсии в связи с русским фольклором он писал: „Особливо же помещение сих имен (прилагательных — М.С.) позади существительных составляло не малую красоту”. Например: *ворота широкие, грядни светлые, столы дубовые, скатерти бранные, погребы глубокие, двери железные* и другие.

Представляют несомненный интерес и замечания Шишкова, сделанные по поводу „приговорок, или прибавочных слов”. Здесь он выступает как опытный переводчик и тонкий стилист: „Некоторые приговорки, или прибавочные слова были совершенно особенные, которых ни на какой другой перевести не можно, как например: *видом не видать слухом не слышать*, или:

Старый муж журмя журит.

Или:

Полети моя каленая стрела,
Высоким высокошенко,
Далеким далекошенко, и проч.”²¹

Из прочих наблюдений Шишкова над языком фольклора заслуживают внимания следующие: частое употребление двойных эпитетов, причем „без всякого разделяющего их знака”: *темный дремучий лес, белая кудрявая береза, желтый сыпучий песок, крутой красный бережок* и т.п.; „не малую также удобность, красоту, благогласие и приятность приносило усечение” имен прилагательных, то есть замена полных форм имен прилагательных краткими: *брал девицу за белы руки, садился на добра коня, завьили рога у туга лука, мать сыра земля, чужа дальня сторона, быстр червлен корабль, бел горюч камень, млад ясен сокол* и тому подобное; „причастие, кончающееся на *чи*, ... не изгнано было и часто находило места, в которых оно преимуществовало пред причастием на *я*”; *ходючи, припадаючи, причитаючи* и тому подобное; и, наконец, употребление в народно-поэтических текстах отрицательного уподобления: *не черная туча из-за гор поднималася, поднималосся храброе русское воинство* и тому подобные.

Как бы подводя итог всему сказанному об устном народном творчестве, Шишков замечает: „Пословицы наши могут так же, как и народные сказания и песни,

¹⁹ Там же. — С. 81—82.

²⁰ Там же. — С. 90—91.

²¹ Там же. — С. 94.

снабжать писателям мыслями, оборотами языка и служить к подкреплению сил его и знаний в словесности”²².

Таким образом, Шишков был глубоко убежден, что народные сказания, песни и пословицы неотделимы от его языка. Язык же - величайшее богатство, основа народной жизни. Искусственное изменение языка ведет к негативным последствиям и в общественной жизни в целом, а именно: нарушаются веками складывающиеся образ мышления, манера поведения, способы выражения чувств, другими словами — все народные традиции и обычаи. Забывая свой язык, народ забывает свою культуру. Поэтому русский писатель, по мнению Шишкова, прежде всего должен хорошо знать, любить и защищать коренной русский язык. Эти мысли Шишкова впоследствии были развиты так называемыми „младшими архаистами” — П.А. Катениным, А.С. Грибоедовым, В.К. Кюхельбекером. Его наблюдения над языком народной поэзии не потеряли актуальности и в наши дни. Деятельность Шишкова, направленная на реабилитацию коренных — национальных основ русского литературного языка, заметно отразилась на дальнейшем развитии языка. По словам В.В. Виноградова, благодаря исследованиям Шишкова „древняя письменность и устная народная словесность были осознаны как живые и необходимые источники русского литературного языка ... Вопрос об общерусской норме литературного языка стал неотделим от вопроса о народности, о национальном развитии, о роли живой народной речи в структуре речи литературной”²³.

²² Там же. – С. 142.

²³ Виноградов В. *Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы.* – М. – Л., 1941. – С. 548.